

Д. В. Солдатов, О. Н. Жильцова

Психологическое время личности в подростковом возрасте

Статья содержит описание результатов экспериментального исследования субъективных представлений о количестве значимых событий в прошлом, настоящем, будущем, а также о психологическом возрасте подростков, оставшихся без попечения родителей, в сравнении с подростками, воспитывающимися в семье.

Ключевые слова: представления о психологическом возрасте, оценка продолжительности жизни, насыщенность жизни значимыми событиями.

D. V. Soldatov, O. N. Zhiltsova

Psychological Time at Juvenile Age

In the article the analysis of modern views at the organization of psychological defenses and person's coping are resulted. It is supposed that psychological protection is a basis to form coping behaviour, and, hence, it has a certain degree of regulation, sensibleness, from the position of realizing the subject's adaptation to a difficult situation.

Key words: coping behaviour, psychological defense, a defensive system, a subjective approach, adaptation, sensibleness, an integrated model of psychological defense.

Подобно тому как до работ З. Фрейда люди не знали о существовании бессознательной психической жизни человека (или, по крайней мере, не существовало научных способов его изучения и понимания), так до середины XX в. в психологии доминировали взгляды о том, что психологические особенности человека исчерпывающе определяются его прошлым. Роль будущего, контекст жизненных перспектив долгое время оставался за пределами внимания психологических теорий.

Усилиями гуманистической, когнитивной, экзистенциальной психологических школ во второй половине XX в. был дан критический анализ пессимизма в психологии и совершен переход к новой парадигме рассмотрения временной перспективы личности, в которой доминирующее место уделено не прошлому (как во фрейдизме), не настоящему (как в бихевиоризме и гештальт-психологии), а будущему.

1. Психологический возраст в контексте жизненного пути

Одна из актуальных задач современной психологии в понимании общих закономерностей формирования личности человека, с точки зрения А. Маслоу, связана с изучением активной роли будущего (в форме идеалов, надежд, обязанностей, задач, планов, целей и т. д.) в поведении и деятельности человека в настоящем [4]. Между тем, будущее активно не само по себе,

активным является именно образ будущего как психологическое явление. Субъективная временная перспектива, по Ж. Нюттену, присутствует в сознании человека в виде разноудаленных во времени объектов, имеет определенное содержание, структуру, глубину, степень реальности и т. п. [6]. Своеобразие позиции Дж. Келли состоит в том, что психологически человеческая деятельность в настоящем главным образом определяется прогнозированием будущих событий с помощью системы так называемых «личностных конструктов» [7]. Психологический анализ личности для экзистенциальной психологии В. Франкла фокусируется главным образом на будущем, «на смысле» того, что человек должен сделать в будущем [9].

В контексте изучения субъективных представлений о роли прошлого и будущего в жизни человека психологический возраст является важной координатой, потому что психологическое настоящее является тем узелком, который связывает психологическое прошлое и будущее. Психологический возраст означает определенную, качественно своеобразную ступень онтогенетического развития, обуславливаемую закономерностями формирования организма, условиями жизни, обучения и воспитания и имеющую конкретно-историческое происхождение. Одним из первых анализировал категорию «психологиче-

ский возраст» Л. С. Выготский. В основе его анализа лежат такие характеристики как «социальная ситуация развития», «ведущая деятельность» и «новообразования», специфичные для каждого возраста [2].

В подходах к исследованию времени жизни человека в настоящий момент отчетливо выделяются 2 основные тенденции: изучение объективного и субъективного психологического времени. Первое направление рассматривает время как объективное условие жизни, независимое от личности. Так, Б. Г. Ананьев считает, что субъективная картина жизненного пути в самосознании человека всегда строится соответственно параллели индивидуального и социального развития, соизмеряемой в биографо-исторических датах [1].

С точки зрения второго подхода психологическое время определяется как отражение в психике человека временных отношений между событиями его жизненного пути. Психологический возраст личности понимается как внутреннее чувство человека, связанное с переживанием времени, как мера субъективной реализованности личностью психологического времени в биографическом масштабе [3].

Исследования «психологического возраста» взрослых людей показали, что существенной предпосылкой рационального использования личностью времени ее жизни является баланс психологического и хронологического возраста. Однако подобная закономерность характерна лишь для периода зрелости. А для детства, пожилого и старческого возраста свойственны иные механизмы регуляции психологического возраста, связанные с особенностями психологической организации личности на этих этапах жизненного пути.

Кроме того, неблагоприятные жизненные обстоятельства могут деформировать восприятие времени. Так, в процессе экспериментального исследования, которое проводилось на тюремных заключенных, были выявлены специфические феномены восприятия времени. Важно, что феномены искаженного восприятия времени зависят от контекста жизни и являются показателями неблагополучия в настоящем [5].

Исследование особенностей и закономерностей «психологического возраста» в определенных интервалах жизни проводилось с участием взрослых людей, студентов, старших школьников [3, 5, 10]. Однако проблема «психологического возраста» у детей и подростков остается

малоизученной, а имеющиеся данные носят фрагментарный характер. Тем более, мало научных сведений о субъективных переживаниях возраста и оценке событий прошлого, настоящего и будущего подростками, попавшими в сложную жизненную ситуацию – оставшимися без попечения родителей.

2. Гипотеза и методика исследования

Перспективы будущего именно в детском и подростковом возрасте и объективно, и субъективно оказываются значительно больше других структурных компонентов временных перспектив – прошлого и настоящего. По-нашему мнению, специфика психологического возраста подростка не может быть адекватно понята вне контекста перспективы будущего. Психологический возраст необходимо изучать в контексте жизненного пути личности, слагающегося из объективных событий и субъективного опыта.

Гипотеза экспериментального исследования состояла в том, что различная жизненная ситуация развития подростков, оставшихся без попечения родителей, и подростков, воспитывающихся в семье, оказывает влияние на психологический возраст, на представления о продолжительности жизни, на оценку значимости событий прожитой жизни, настоящего и значимости событий будущего.

Для проверки гипотезы были изучены субъективные представления о своем психологическом возрасте, о предполагаемой продолжительности жизни, оценки событий прошлого и настоящего, предполагаемом будущем подростков, оставшихся без попечения родителей, в сравнении с подростками, воспитывающимися в семье. В исследовании приняли участие 110 подростков, проживающих в Московской области, объединенные в 2 группы. Первая группа – 50 подростков из детских домов, приютов – получила условное название «экспериментальная группа». Вторая группа – 60 подростков, воспитывающихся в семьях, – условно названа «контрольная группа» или группа сравнения. Выборки испытуемых не имели значительных различий по гендерным и возрастным признакам.

При проведении экспериментального исследования использован тест «Оценивание пятилетней жизни» [3]. Оценка статистической значимости различий экспериментальных данных произведена с помощью критерия U Манна-Уитни.

3. Результаты экспериментального исследования и их анализ

Вначале обратимся к анализу результатов оценки испытуемыми своего психологического возраста. Не было обнаружено статистически значимых различий по критерию Манна-Уитни в оценке испытуемыми своего психологического возраста. Испытуемые экспериментальной и контрольной групп в основном ощущают себя немного старше своего хронологического возраста.

В целом, можно констатировать, что среди испытуемых как экспериментальной, так и контрольной группы есть подростки, у которых психологический возраст соответствует хронологическому, есть и те, у которых психологический возраст ниже или выше хронологического. Если завышение психологического возраста можно считать подростковой нормой («чувство взрослости» и т. д.), то занижение психологического возраста, по сравнению с хронологическим, должно настораживать, так как исследования показали, что низкие значения психологического возраста значимо коррелируют со степенью приобщения к алкоголю [10].

Анализ результатов показал оптимистичный настрой всех испытуемых на протяженность своей жизни. Испытуемые экспериментальной группы надеются прожить в среднем 87 лет, а испытуемые контрольной группы – 89 лет, при реальной средней продолжительности жизни, составляющей в Московской области 66 лет.

Теперь обратимся к анализу оценок испытуемыми степени насыщенности значимыми событиями прожитой и настоящей жизни, а также представлений о будущем. Авторы методики под степенью насыщенности значимыми событиями понимают напряженность жизни, то «в какой мере человек «выложился», отдал себя жизни, насколько полно и активно включился в происходящее» [3, с. 233]. В нашем случае под степенью насыщенности значимыми событиями мы понимаем не только, насколько подросток «выложился», но и насколько готов приложить усилия, насколько активно, энергично он будет добиваться реализации своих жизненных планов, насколько готов к преодолению трудностей, препятствий, которые могут возникнуть в его будущей жизни.

Можно полагать, что переживание как прошлого, так настоящего и будущего существенно различаются у подростков экспериментальной и контрольной группы в интервале от 6 до 70 лет, что подтверждается статистическими различиями их оценок насыщенности этих пятилетий жизни событиями. Значения коэффициентов критерия Манна-Уитни колеблются от $U_{эмп} = 879$ до $U_{эмп} = 1081,5$ ($p \leq 0,01$) и от $U_{эмп} = 1137,5$ до $U_{эмп} = 1218$ ($p \leq 0,05$). В пятилетиях от 0 до 5 лет, от 71 до 85 лет и от 91 до 100 лет статистически значимые различия между результатами изучаемых групп испытуемых отсутствуют (рис.).

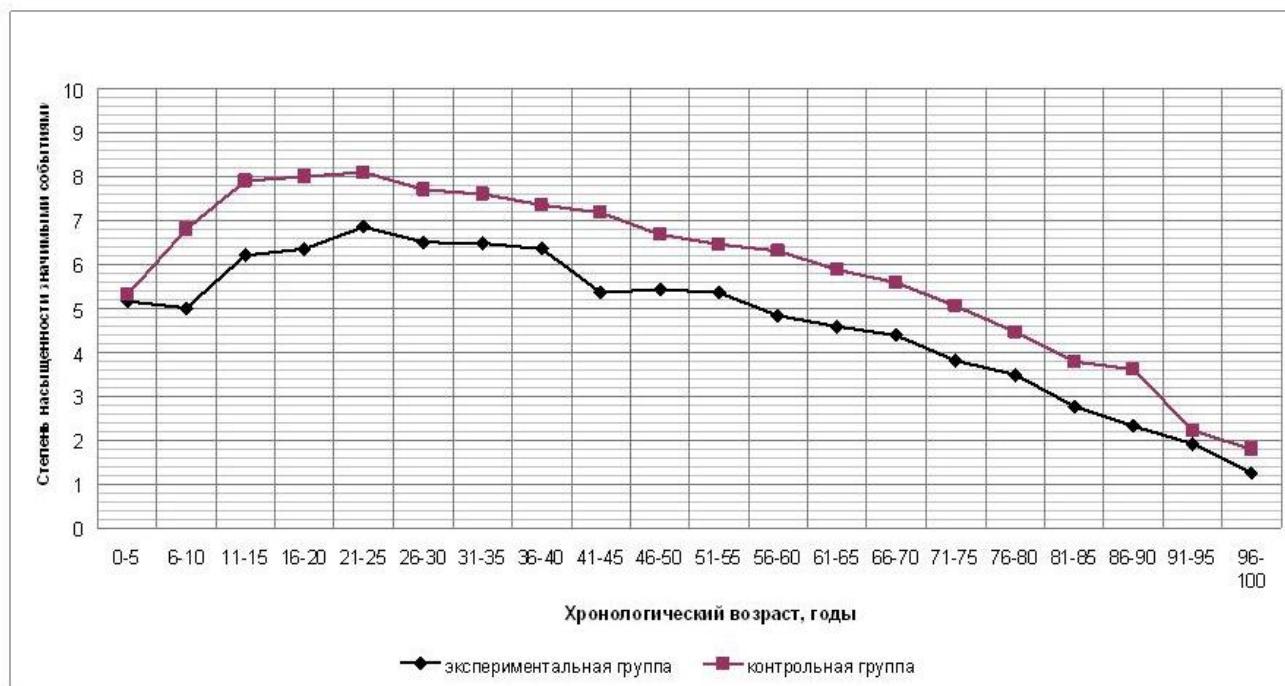

Рис. Средние оценки насыщенности значимыми событиями пятилетий жизненного пути

Обратимся к рассмотрению оценок испытуемых, которые относятся к их прошлой жизни. Оценка испытуемыми экспериментальной и контрольной группы первого пятилетия своей жизни (0–5 лет) совпала и составила 5,2 балла. Однако в оценке испытуемыми экспериментальной и контрольной группы степени насыщенности значимыми событиями пятилетия от 6 до 10 лет, которое предшествует подростковому возрасту, были получены статистически значимые различия ($U_{\text{эмп}}=854,5$; $p \leq 0,01$). Мы полагаем, что отношение испытуемых экспериментальной группы к такому возрастному интервалу, который они оценили даже ниже предыдущего, определено жизненной ситуацией, в которой они оказались. С одной стороны, ситуация неблагополучия в их семье, которая предшествовала поступлению в государственное учреждение, могла способствовать возникновению процессов психологической защиты, выражающихся в осознанном игнорировании значимых, но негативных событий прошлого. А с другой стороны, их переживания, которые связаны в первую очередь с осознанием того, что они ничего не могут изменить, что они оказались заложниками неподвластной им ситуации, также могут приводить к обесцениванию событий, активными участниками которых они не являются. Кроме того, ситуация неблагополучия в настоящем обесценивает период детства [5]. В целом, такую тенденцию также нельзя признать благоприятствующей личностному развитию, скорее наоборот.

Обращает на себя внимание тот факт, что подростки контрольной группы не только будущую жизнь воспринимают как важную, но и жизнь в настоящем имеет для них важное значение (период от 11 до 15 лет оценивается в 7,88 баллов) и насыщена значимыми событиями. Подростки экспериментальной группы значительно меньше ценят настоящее время, меньше склонны прилагать усилий, бороться за решение жизненных задач в настоящем (период от 11 до 15 лет оценивается в 6,2 баллов).

Рассмотрим основные «пики» на графике, отражающем представления о степени насыщенности значимыми событиями жизни подростков экспериментальной и контрольной группы. У испытуемых экспериментальной группы «пики» приходятся на следующие пятилетия жизни: 21–25 лет (6,9 баллов), 26–30 лет (6,5 баллов) и 31–35 лет (6,4 баллов). Испытуемые контрольной группы обнаруживают следующие «пики» жи-

ни: 21–25 лет (8,1 баллов), 16–20 лет (8 баллов) и 11–15 лет (7,9 баллов). Мы видим, что для подростков контрольной группы значимыми являются не только события будущего, но и события настоящего, которое является основой реализации жизненных планов. Несколько иная тенденция обнаруживается у подростков экспериментальной группы, которые в оценке насыщенности жизни значимыми событиями больше ориентированы на будущее. Наибольшее количество значимых событий подростки экспериментальной группы прогнозируют в более поздний период: 20–35 лет.

Далее испытуемые экспериментальной группы «планируют» приблизительно в 2 раза короче отрезок своей жизни, который будет насыщен значимыми событиями по сравнению с испытуемыми контрольной группы. Подтверждение этому заключено в снижении оценок (ниже медианы, $Md=5,4$) существенных событий будущего у подростков экспериментальной группы уже в возрасте после 40 лет. Испытуемые контрольной группы такое изменение в жизни «откладывают» до 70 лет. Таким образом, можно говорить, что испытуемые экспериментальной группы не планируют для себя столь же продолжительного и содержательного будущего, как это делают подростки контрольной группы.

В результате проведенного исследования, мы обнаружили тенденцию видимо характерную для подросткового возраста, которую можно назвать «феномен обесценивания старости». Этот феномен особенно ярко проявляет себя у испытуемых экспериментальной группы в форме прогнозируемой ими долгой, но не насыщенной значимыми событиями, жизни. Между тем, психолого-биографические исследования жизни выдающихся личностей не обнаруживают спада продуктивности жизни с возрастом. Напротив, отмечается, что личность творческого человека развивается независимо от старения и до преклонных лет сохраняет некоторые свойственные юности черты [3].

Выводы:

1. Подростки, оставшиеся без попечения родителей, субъективно «обесценивают прошлое», недооценивают значимость событий настоящего и при планировании достаточно длительного жизненного пути субъективно «обесценивают период зрелого возраста» (от 40 до 70 лет).

2. Для всех подростков характерен феномен «сверхценности молодости», но разница состоит

в том, что подростки, оставшиеся без попечения родителей, период активной жизни существенно укорачивают и в меньшей степени «насыщают» ее значимыми событиями. Для подростков, воспитывающихся в семье, ценным является и актуальное настоящее, и продолжительное будущее. «Наполненность» жизни значимыми событиями по оценкам подростков «из семей» охватывает гораздо более длительный период.

3. Жизненная ситуация оказывает существенное влияние на «социальную ситуацию развития» личности, проявляющуюся среди прочего и в своеобразии образов прошлого, настоящего и будущего. Полученные результаты позволяют говорить о том, что подростки, оставшиеся без попечения родителей, в отличие от сверстников, проживающих в семьях, находятся в ситуации, не способствующей полноценному формированию личности. Они в гораздо меньшей степени вовлечены в решение актуальных жизненных проблем в настоящем и менее готовы прикладывать усилия для достижения значимых жизненных целей в будущем.

Библиографический список:

1. Ананьев, Б. Г. Психология и проблемы человекознания [Текст] / Б. Г. Ананьев. – Москва ; Воронеж, 2005. – 432 с.
2. Выготский, Л. С. Собрание сочинений [Текст] : В 6 т. Т. 4. Детская психология / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1984. – 432 с.
3. Головаха, Е. И., Кроник, А. А. Психологическое время личности [Текст] / Е. И. Головаха, А. А. Кроник. – М. : Смысл, 2008. – 267 с.
4. Маслоу, А. Мотивация и личность [Текст] / А. Маслоу. – СПб. : Питер, 2003. – 392 с.
5. Нуркова, В. В., Василевская, К. Н. Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации: новые феномены [Текст] / В. В. Нуркова, К. Н. Василевская // Вопросы психологии. – 2003. – № 5. – С. 93–101.
6. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего [Текст] / Ж. Нюттен. – М. : Смысл, 2004. – 608 с.
7. Первин, Л., Джон, О. Психология личности: теория и исследования [Текст] / Л. Первин, О. Джон. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 607 с.
8. Прихожан, А. М., Толстых, Н. Н. Психология сиротства [Текст] / А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. – СПб. : Питер, 2007. – 400 с.
9. Франкл, В. Человек в поисках смысла [Текст] / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.
10. Хомик, В. С., Кроник, А. А. Отношение к времени: психологические проблемы ранней алкоголизации и отклоняющегося поведения [Текст] / В. С. Хомик, А. А. Кроник. // Вопросы психологии, 1988. – № 1. – С. 98–106.